

ОМІДАРЕНКО ГРИ
БАЛЬ МИКОЛА
БАТАРШИН ГЕЛМ
БАХВАЛОВ ВАМ
БІЛОІВАНЕНКО
БИКЕТОВ ІВАН
БОЙКО МИКО
БОЛОТО ПЕТ
БОНДАР ОЛЕ
БРУСОВ ІВАН
БУКАЄВ ІВАН
БУРДА ОЛЕКС
БУРМАК ГРИ
БАБАНІН МИ
БЕЛІКОВ ПЕТ
БОГУСЛАВСЬ
БОРОДІН ВІ
БРАТОНІН ТЕРЕ
БУРКА МИКОЛА
ВАСИЛЬЧЕНКО ОЛЕ
ВІННИК ПЕТРО ФЕ

БОЕВАЯ
ДОБЛЕСТЬ

Многие мои земляки Герои Советского Союза не дожили до победы. На традиционной перекличке, которая проводится каждый год в Ворошиловграде в девятый день мая, правофланговый отвечает:

— Герой Советского Союза Нина Гнилицкая погибла во время разведки на Миус-фронте.

— Герой Советского Союза Михаил Лиховид сожжен фашистами на костре.

— Герой Советского Союза Иван Брусков погиб во время штурма Берлина...

Павшие герои навсегда остались в строю, в послужном списке Родины. Они живут в названиях школ, улиц, площадей. Луганск унаследовал имя своего земляка, прославленного полководца, дважды Героя Советского Союза Климента Ефремовича Ворошилова.

Оставшиеся в живых герои мирным трудом приумножают свою славу. На груди многих из них рядом с боевыми наградами — ордена и медали за самоотверженный труд.

На них равняются, у них учатся молодые люди, вступают в самостоятельную жизнь и те, которые стоят сегодня у локаторных экранов и на ракетных позициях, на строительных площадках и на колхозных полях. Пусть в их делах всегда живет готовность к подвигу во имя жизни и мира на земле.

А. И. Еременко,

Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, Герой Чехословацкой Социалистической Республики.

В этой книге собраны очерки о двадцати четырех Героях Советского Союза Ворошиловградщины. Ранее вышедший сборник «Дороги храбрых» также включает 15 очерков о моих земляках-героях. А их всего 196. Жизнь и боевой путь любого из них — яркий пример беззаветного служения любимой Родине, верности партии и народу.

История не знает более ярких образцов массового героизма и мужества, храбрости и отваги, которые показали в годы Великой Отечественной войны советские люди.

Чудеса героизма совершали простые советские парни, вчерашние шахтеры, металлурги, колхозники. Война не дала допахать свой лан в белокуракинском колхозе Егору Ливенцу, позвала на фронт. Танкист Ливенец уничтожил полтора десятка вражеских танков. Когда я командовал Сталинградским фронтом, там мой земляк бронейщик Петр Болото у небольшого оврага создал целое кладбище немецких танков. Пятнадцать бронированных машин пылало в решающий день боя.

У одних, подобно Александру Матросову, подвиг öлился мгновенье. У Петра Болота он продолжался от зари до зари. У третьих подвиг — это сотни боев, десятки сбитых фашистских самолетов, изо дня в день наивысшее напряжение всех духовных и физических сил.

Свыше двухсот раз вылетал бомбить глубокие тылы противника дважды Герой Советского Союза Александр Молодчий. От Курской дуги до Берлина с боями прошел своих гвардейцев дважды Герой Советского Союза Николай Горюшкин.

Шахтеры, хлеборобы, металлурги в дни суровых испытаний для Родины стали воинами.

ШАХТЕРСКИЙ ХАРАКТЕР

Каждый метр той исконно русской земли Николаю Горюшкину был знаком до слез. Почти полгода он ежедневно прощупывал в бинокль и стереотрубу эту узкую нейтральную полосу. Ранней весной тут бежал вертлявый ручеек в разнотравных росписях. Потом глазастыми ромашками заневестились его бережки. Да ненадолго. Опалил их огонь реактивных минометов, подмяли гусеницы танков. Луг и поле, до войны наливавшее ржаной колос, покрылись оспой воронок от снарядов и бомб.

Летом сорок третьего на Орловско-Курской дуге на прочность проверялось все: боевая техника, оружие, люди, их воля, мужество, нервы. Роту гвардии старшего лейтенанта Горюшкина иногда отводили в тыл на отдых, но через несколько дней снова возвращали в старые траншеи. На гвардейцев надеялись: они выстоят.

Передний край обороны полка осматривал командир дивизии. В роте Горюшкина генерал задержался несколько дольше. Он заглянул в одну пулеметную ячейку, другую. Окопы были отрыты по всем правилам: аккуратные, в полный рост, имели по две ступеньки: стреляя, можно было приподниматься. В стенке ниши — углубления для боеприпасов. По всему видно было: доволен генерал. На прощание спросил ротного:

— Откуда родом, старший лейтенант?

— Из Донбасса.

— Шахтер, значит. Сразу видно: научил солдат в землю вгрызаться, — и взглянув на крепкие руки офицера, сказал: — Вижу, какая рука, таков и характер.

— Характер? Тоже шахтерский.

Разговор с генералом напомнил Николаю о родном поселке Шарапкино, перед самой войной переименованном в Свердловск. С этим зажатым среди терриконов поселком у него были связаны детские увлечения и мечты. Ах, эта конница! Она покоя не давала мальчишке. По прожженной порохов и солнцем южной степи, сквозь пыль и ветер мчатся, пригибаясь к седлам, красные конники. Сабли блестят в лучах солнца. Искры летят из-под копыт. Он весь там, в жаркой схватке с врагами, боец Первой Конной. Скрипнули половицы под ногами матери. Он терпеливо прячет под подушку раскрытую книгу. Другой раз сыплет, кружит метель, бьет в лицо колким снегом. А он сидит в заиндевевшем лесу у партизанского костра или вместе с разведчиками закладывает взрывчатку под железнодорожный мост противника.

Как будто слышит сын материнский голос: «Снова в Провалье бегал?» До железнодорожной станции Провалье добрых восемь километров. А они, десятилетние мальчишки, под проливным дождем укатили туда. Там, рядом с маленьким кирпичным домом, могила 480 конников Богучарского полка. Красная могила, известная на всю округу своим величественным памятником. Может быть, вот через этот памятник революция вошла в Колькину жизнь, подарила простому шахтерскому пареньку яркую судьбу.

Шахта была в сотне шагов от дома. Куски породы с террикона иногда стучали о забор. Все, кого помнил Николай в семье, получали путевку в жизнь на шахте. И его трудовая биография началась в забое. Когда Николай спустился в шахту, там произошел обвал. Погиб старший брат Дмитрий. Многие забойщики испугались и уволились с работы, а младший Горюшкин на другой день спустился в забой.

— Правильно, сын. На шахте трус не приживается. — Похвала отца, потомственного шахтера, старого бойца, друга которого лежали в братской могиле на Провалье, была Николаю особенно дорога.

Подросток полюбил профессию шахтера. Работой не гнушался — был коногоном, выбирал породу из угля. Потом попросился на учебу в горно-промышленное училище. Окончил его, снова вернулся на родную шахту, стал работать помощником машиниста врубовки.

— От крепкого дуба растет молодая ветка, — искренне говорили шахтеры Ивану Павловичу Горюшкину, восхищаясь работой младшего сына.

С самого детства у Николая все было связано с шахтой: надежды и радости, беды и печали. Шахта осталась в крови, в сердце. Хотя с тех пор много пройдено фронтовых дорог. От Перемышля, где молодой лейтенант, только что окончивший военное училище, попал под первые фашистские бомбы, до Волги, Сталинграда. И вот Орловско-Курская дуга.

...Едва забрезжил рассвет, фашисты обрушили на нашу оборону мощный огневой удар. От разрывов снарядов земля вздыбилась черными фонтанами. Адский смерч бушевал десять, двадцать минут. Едва стихла артиллерия, над передним краем разгрузились немецкие самолеты. Стонет земля, кажется, расколется, загорится.

Фашисты уверены: навсегда замолчали окопы. Идут в атаку в полный рост. Впереди — танки. Вót они, на выстрел. И тогда ударили поднятые со дна траншеи противотанковые ружья. Послышался клекот пулеметов, автоматов. Выкошена первая цепь, горят три танка. Фашисты уже настолько близко, что Горюшкину видны искаженные злобой лица.

Наступил тот психологический момент, когда успех боя может зависеть от одного человека. Требуется искорка. Ее кто-то должен высечь из солдатских сердец. Глубокие морщины прорезали лоб офицера. Густые черные брови сошлись на переносице. Сильным прыжком Горюшкин выбросил себя на бруствер окопа. Выпрямился, взмахнул автоматом и бросился вперед навстречу врагу. Ранило в правую руку. Он переложил автомат в левую и ускорил шаг, не оглядываясь, уверенный в том, что за ним идет в контратаку вся рота, идут соседи. Неожиданный удар гвардейцев остановил фашистов, повернул их вспять. Буквально на плечах врага рота ворвалась на железнодорожную станцию Золотарево и освободила ее.

Горюшкин пришел в медпункт, когда затих бой. Вспомнилось: где-то в этих местах пуля опалила ему плечо и год назад. Очнулся, солдат волочит его на плащпалатке к своим. Застонал от боли. Слышит: «Не стони, я сам ранен». Затянуло рану — и снова в строй.

Отступали недели, месяцы. Отступали через поля и села, боялись смотреть людям в глаза. Тяжело, горько было.

Теперь другое дело. От людской радости даже раны быстрее заживают. Как раз Николай Горюшкин поспел из госпиталя в роту в самые горячие дни. Глянул на автомобили, а на бортах надписи: «Наша заправка — до самого Днепра». Рота выходила на преследование противника в головном отряде...

Вот он, Днепр. На душе Горюшкина было радостно и тревожно. На рассвете приказано форсировать реку. На берегу под деревьями лежало около десятка утлых рыбацких лодок. Солдаты с беспокойством поглядывали на них, дескать, не очень надежный транспорт для переправы.

— Иного предложить не могу! — как бы угадывая их мысли, сказал Горюшкин.

В прибрежном лесу слышалось повизгивание пил, стук топоров. Солдаты мастерили плоты, ремонтировали рыбацьи лодки. Раздвинув склонившиеся над водой ветви деревьев, то и дело вглядывались в правый берег. Крутой, изрытый оврагами, он щетинился орудиями, минометами, коробился дотами. Бетонные цилиндры со зловецким прищуром черных глазниц поминутно выпускают жгуты трассирующих пуль. Голубые лучи прожекторов, как гигантские мечи, угрожающе размахивают по небу, шарят в кустарнике, на реке рубят легкие барашки-волны.

Старший лейтенант Горюшкин, взглянув на часы, приказал командирам взводов:

— Пора. Лодки к воде!

Лодки еще не достигли и середины реки, как кругом их поднялись фонтаны воды. От снарядов и мин, казалось, кипела вода. Не укрыться солдатам. Один выход — нажимать на весла.

— Берег! Земля! — закричали солдаты на передней лодке. Наверно, так радовался Колумб, когда впервые подплывал к Америке.

Солдаты знали задачу: ступишь на землю правобережья — штурмуй высоту 209,7. С нее простреливалась каждая пядь береговой полосы. Кое-кто обессиленно опустился на песок.

— Вперед! За мной! — крикнул Горюшкин. Какая-то влекущая сила исходила от этого человека, поднимала на склоны высоты мокрых, утомленных переправой людей, только что испытывших, может быть, самое величайшее напряжение в жизни. Рота выбила фашистов с высоты и, не отрываясь от них, ворвалась в село Григоровку.

День был на исходе, а бой не затихал ни на минуту. Отражена пятая контратака, шестая. Немцы вновь идут в бой. Гвардейцы с тревогой поглядывают в сторону Днепра: где же подкрепление? А там, над рекой, висят «юнкерсы» и «мессеры». Кипит вода от их бомб. Не пробиться нашим лодкам и плотам на западный берег.

Утро нового дня похоже на вчерашнее. Контратаки одна ожесточенней другой. Сколько их отразили гвардейцы? Все потеряли счет. И каждая стоит жертв. На исходе боеприпасы.

— Связной! К комбату! Передайте: кончаются патроны! — приказал Горюшкин.

— Командир батальона убит, товарищ старший лейтенант, — тихо ответил солдат.

Офицер на мгновение задумался:

— Передайте всем мой приказ: держать плацдарм. Занять круговую оборону! Драться до последнего!

Бой не затихал третьи сутки. Все крепче затягивалось вражеское кольцо вокруг обескровленного батальона. Кончились продукты. Нечем перевязывать раненых; ранен и контужен каждый второй защитник плацдарма. Порой казалось, что в пылающей Григоровке угасла жизнь. А немцы подтянули свежие силы и снова устремились к окраине села.

— Что будем делать, товарищ старший лейтенант? — спросил командир взвода, один из оставшихся в живых офицеров.

— Врукопашную пойдем. Будем рубить врагов по-шахтерски! — ответил Горюшкин.

В эти самые критические минуты защитникам плацдарма пришло подкрепление. Его привел заместитель командира полка по политчасти. Горюшкин теперь хотел увидеть именно его, политработника. Он подошел к майору, вынул из планшетки листок бумаги и торопливо передал ему.

Невдалеке мост через Одер. Там настоящее пекло. Вернулся разведчик, доложил:

— Перед мостом сплошное минное поле.

— А что делается у шлюза?

— Там спокойнее. Шлюз, думаю, штурмом можно взять.

— Для штурма у нас сил маловато. На скрытность и хитрость будем надеяться.

Январское утро наступало медленно. Гвардейцы Горюшкина этому радовались больше всего. Под прикрытием темноты и густого тумана они переправлялись на западный берег через шлюз. Первые советские воины на немецкой земле! Первый бой с врагом в его логове. Бой жестокий, кровопролитный. Фашисты, только что прибывшие к шлюзу, свирепствуют. В контратаку идут эсэсовцы в черных мундирах. Вот-вот гвардейцев посекут огнем, сбросят в реку.

— Вперед, гвардейцы! — Капитан Горюшкин бросается в гущу немцев, увлекая за собой бойцов. Плацдарм расширяется. Берега Одера уж связывает переправа, по которой пошли советские танки. Пошли по немецкой земле! На Берлин!

Представление бесстрашного офицера к званию дважды Героя Советского Союза начиналось строкой: «Командир 2-го мотострелкового батальона гвардии майор Горюшкин Н. И. проявил исключительное мужество при форсировании Одера».

До чего же удивительна была весна сорок пятого! Она входила в нашу жизнь победными салютами, ликующими городами и селами, буйным цветением садов, бездонной голубизной мирного неба. Земля снова пахла хлебом, коксом, углем.

После Московского парада Победы Николай Иванович на несколько дней приехал в родной Свердловск. Шахтерский город, да и весь Донбасс, были охвачены дружной созидательной работой. Горюшкин пришел на родную шахту, спустился в забой, встретился с учениками, с пионерами.

Ксения Ивановна Соломко бережно хранит несколько фотоснимков о тех кипучих днях своего брата. В семейном альбоме мое внимание привлек редкий снимок. Прославленный полководец танковых соединений Павел Семенович Рыбалко, улыбающийся, по-

Горюшкина замечательный дуэт составят. Действуй-те!

Свирепый январский ветер больно стегал стрелков по глазам колючим снегом, норовил сбросить их с брони. От него не укроешься, когда танки несутся на самой высокой скорости, когда каждое мгновение надо быть готовым открыть огонь.

В утренний Ченстохов десант ворвался как вихрь. Гвардейцы хорошо усвоили формулу боя, которую любил повторять их командир: пусть каждый взвод дерется, как рота, тогда батальон выполнит задачу полка. Они молниеносно растекались по городу небольшими группами, иногда действовали в отрыве друг от друга. Взрывали вражеские танки, бронетранспортеры, захватили несколько складов. К капитану Горюшкину автоматчики доставили немецкого полковника, потом второго. К вечеру пленили генерала. Фашистские вояки не верили, что их многочисленный гарнизон парализовали лишь два советских батальона. Когда в Ченстохов входили наши главные силы, он был почти полностью освобожден от гитлеровцев.

Это было 16 января 1945 года. А через пять дней батальон вышел к границе Германии. Противник пробовал цепляться за выгодные рубежи. Но гвардейцы Горюшкина, действовавшие в передовом отряде, сбивали его с ходу.

Вот и Одер! Вертлявая, стремительная река. Ее мутные воды несут льдины. Николай знал о ней лишь по учебнику географии. Не думал, не гадал, что судьба приведет его на берега этой чужой реки. Издалека, с волжских берегов, пришел он со своими однополчанами. Сколько боев выиграл с ними после Орла. Сколько рек преодолел от Днепра. Комбат вглядывался в обветренные лица ветеранов. Немного их осталось. Только песня о седом Славутиче, о друзьях-товарищах, погибших на его берегах, живет в батальоне как любимая, родная. Поют ее от всего сердца. А с рассветом снова бой. Приказано форсировать Одер, захватить плацдарм, удерживать его до подхода главных сил. Как на Днепре в сентябре сорок третьего. И противник ведет себя так же, только, пожалуй, еще яростнее. Последняя преграда на пути в Берлин. Фашисты будут стоять здесь насмерть.

— Вчера написал, — как бы оправдываясь, сказал старший лейтенант.

Это было заявление о приеме в партию.

Последние военные грозы отсверкали на советской земле. Пройдены Карпаты. И берег Сандомира, этот клочок огненной земли, перестал называться плацдармом. С батальоном, принятым в критические минуты на Днестре, Герой Советского Союза Николай Горюшкин шел к границе Германии. На пути к ней последний крупный город Польши — Ченстохов.

— Как будем брать Ченстохов, капитан? — этот вопрос комбат Горюшкин услышал в штабе дивизии. Интересовался командующий третьей гвардейской танковой армией Павел Семенович Рыбалко. Генерал еще на Днестре познакомился лично с этим бесстрашным офицером. Тогда он своей рукой написал в наградном листе Горюшкина: «Достоин звания Героя Советского Союза».

Через несколько месяцев генерал и капитан встретились в районе украинского города Проскурова¹. Немцы создали там буквально непроницаемую оборону. Все попытки захватить пленного терпели неудачу. Вот тогда-то командарм, заехавший в штаб дивизии, и приказал послать в поиск гвардейцев из батальона Горюшкина.

В тылу полка был оборудован участок, до деталей имитировавший оборону немцев. Группу смельчаков комбат тренировал сам. Днем и ночью учились бесшумно проделывать проходы в минных полях и проволочных заграждениях. Солдаты выбивались из сил, а капитан приказывал повторить, распекал за малейшую оплошность. Горюшкин оправдал доверие генерала. А теперь командарм с ним держит совет о выполнении другой очень важной боевой задачи.

— Как будем брать Ченстохов? — спокойно повторил вопрос Горюшкин. — Посадим пехоту на танки, и на полной скорости в город. Немцы пока нас не ждут. На внезапность надо рассчитывать.

— Дерзкий план предлагаешь, капитан, — генерал Рыбалко еще раз взглянул на штабную карту. — Что ж, танки майора Хохрякова и автоматчики капитана Го-

¹ С 1954 года — Хмельницкий.

жимает руку Горюшкину. Может быть, поздравляет с награждением орденом Красного Знамени за бои в Берлине или с назначением на должность заместителя командира механизированной бригады. А может быть, с поступлением в военную академию. Николай Иванович любил вспоминать о том счастливом дне.

В медицинской комиссии врачи долго рассматривали малиновые шрамы и рваные лиловые заплаты на его теле, мяли их.

— Болят раны?

— По правде сказать, иногда ноют.

— Крепко же вас немцы разукрасили, — сокрушался председатель медицинской комиссии.

— Учили воевать, — с улыбкой отозвался майор.

— Смотрю, ученик понятливый оказался, — врач кивнул на висевший на стуле китель с двумя Золотыми Звездами. — Что ж, майор Горюшкин, за битого двух небитых дают. Вижу, в вашем кармане маршальский жезл лежит.

...Человек, шагавший рядом со смертью 1418 суток, погиб случайно в автомобильной катастрофе. Погиб, когда началась его тридцать первая осень.

Жизнь героя, как любимая песня, не исчезает бесследно. Вот уже четверть века дважды Герой Советского Союза Николай Иванович Горюшкин смотрит на родной город с высокого пьедестала. С его именем в шахтерском Свердловске можно встретиться повсюду. Улицу, где он жил, школу, в которой учился, шахту, где работал, свердловчане называли именем бесстрашного земляка.

Юрий Романов

ПОЕДИНОК

Портрет обрамляет снежно-белый рушник.
Бережно хранит его Меланья Петровна. Это
Солдатская...